

Папаша Монжиле / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 23 января, 2025

Папаша Монжиле / рассказ ПАПАША МОНЖИЛЕ

В канцелярии на папашу Монжиле смотрели, как на чудака. Этот старый добродушный чиновник решился один-единственный раз в жизни побывать в окрестностях Парижа.

Был конец июля, и каждый из нас по воскресеньям отправлялся за город в деревню поваляться на травке и покупаться в реке. Аньер, Аржантей, Шату, Буживаль, Мэзон, Пуасси – все они имели своих завсегдатаев и своих фанатических поклонников. Страстно обсуждались достоинства и преимущества всех этих прославленных мест, которые полны очарования для парижских чиновников.

Папаша Монжиле заявлял:

– Ах вы, овцы Панургова стада! Что в ней хорошего, в этой вашей деревне?

Мы спрашивали его:

– Ну, а вы, Монжиле, неужели вы никогда не ездите на прогулку?

– Простите. Я совершаю прогулки в омнибусе. Плотно и не спеша позавтракав внизу, в винном погребе, я беру план Парижа, расписание движения омнибусов и составляю себе маршрут. Затем я влезая на империал, раскрываю зонтик. Кучер, погоняй! И сколько же я вижу разных разностей! Побольше, чем вы, будьте уверены! Кварталы я меняю. И получается, что я как будто совершаю кругосветное путешествие: до того население одной улицы отличается от населения другой. Я знаю Париж лучше, чем кто бы то ни было. А затем, нет ничего занимательнее, как заглядывать в антресоли. Чего только не увидишь в них даже беглым взглядом!.. Невозможно себе и представить. Угадываешь семейную сцену, увидав только рожу кричащего человека, потешаешься, проезжая мимо парикмахера, который, желая поглазеть на улицу, выпускает из пальцев нос клиента, покрытого белой мыльной пеной. Подмигнешь то одной модисточке, то другой – так, шутки ради, потому что сойти-то с омнибуса не успеешь. Да, чего только не насмотришься!

Это хороший театр, театр настоящей, подлинной жизни, как ее видишь, быстро проезжая мимо на паре лошадей. Черт возьми, я не променяю своих прогулок в омнибусе на ваши дурацкие прогулки по лесам.

Ему говорили:

– Да вы попробуйте, Монжиле, съездите хоть разок в деревню, посмотрите, что выйдет.

Он отвечал:

– Я уже был там однажды, лет двадцать тому назад; второй раз меня не заманишь.

– Расскажите, Монжиле.

– Ладно. Вот как было дело. Вы знавали Буавена, прежнего служащего в редакционном отделе; мы прозвали его Буало [1]?

– Да, прекрасно знали.

– Я служил с ним в одном отделении. У этого прохвоста был дом в Коломбо, и он постоянно меня приглашал провести у него воскресенье. Он говорил мне: «Приезжай, Макюлот (он в шутку звал меня Макюлотом) [2]. Увидишь, какую славную прогулку мы с тобою сделаем».

Вот я и поверил, как дурак, и однажды утром отправился с восьмичасовым поездом. Приезжаю в некое подобие города, в этакий деревенский город, где и посмотреть не на что, и наконец в конце какого-то тупика, между двух стен, нахожу старую деревянную дверь с железным колокольчиком.

Я позвонил. Ждал долго, но наконец мне отперли. Какое существо отперло мне! С первого взгляда я так и не понял: женщина это или обезьяна? Существо старое, безобразное, с виду грязное, закутанное в старые тряпки и, несомненно, злое. К волосам у него прилипли птичьи перья, и оно, казалось, готово было меня пожрать.

Меня спросили:

– Кого вам?

– Господина Буавена.

– На что вам господин Буавен?

Мне стало не по себе от допроса этой фурии. Я пробормотал:

– Но ведь... он меня ожидает.

Она продолжала:

– Ага, так это вы должны были приехать к завтраку?

Я, заикаясь, прошептал трепетное «да».

Тогда она обернулась к дому и закричала разъяренным голосом:

– Буавен! Приехал твой гость.

Это была жена моего друга. Щуплый дядя Буавен тотчас появился на пороге какого-то оштукатуренного сарая, покрытого цинковой крышей и напоминавшего грелку. На нем были штаны из белого тика, все в пятнах, и засаленная панاما.

Пожав мне руку, он повел меня в закоулок, который называл своим садом: этот маленький квадратик земли, величиной с носовой платок, находился в конце тупика, образованного огромными стенами таких высоких домов, что солнце проникало туда лишь на два – три часа в день. Анютины глазки, гвоздики, желтые левкои и несколько розовых кустов совсем зачахли на дне этого колодца, лишённого воздуха и к тому же накалявшегося, как печь, благодаря отражению солнечных лучей от крыш.

– Деревьев у меня нет, – сказал Буавен, – но стены соседей их вполне заменяют. У меня здесь тень, как в лесу.

Затем он взял меня за пуговицу пиджака и сказал, понизив голос:

– Ты можешь оказать мне большое одолжение. Хозяйку мою ты видел. Не очень-то покладистая, верно? Так как я тебя пригласил, она дала мне сегодня чистую одежду, но если я ее измажу, все пропало!.. Поэтому я рассчитывал, что ты польешь мои цветы.

Я согласился. Скинул пиджак. Засучил рукава сорочки и принялся усиленно возиться г. испорченным насосом; тот свистел, пыхтел, хрипел, как чахоточный, и выпускал струйку воды, тонкую, как у фонтанчиков Уоллеса. Понадобилось десять минут, чтобы наполнить одну лейку. Я весь был в поту. Буавен руководил мною.

– Вот сюда, на этот кустик, еще немножко. Довольно, теперь вот на этот.

Дырявая лейка текла, и на ноги мне попадало гораздо больше воды, чем на растения. Низ моих штанов промок и пропитался грязью. Двадцать раз подряд я начинал все сначала, снова промачивал ноги и снова обливался потом, качая скрипучий рычаг

насоса. Когда же я совершенно изнемогал и собирался остановиться, дядя Буавен с мольбой тянул меня за рукав:

– Еще одну лейку, только одну – и все кончено. Чтобы отблагодарить меня, он подарил мне розу, очень крупную розу, но едва она успела коснуться петлицы моего пиджака, как осыпалась вся целиком, оставив мне в виде украшения продолговатую зеленую шишечку, твердую, как камень. Я удивился, но промолчал. В отдалении послышался голос г-жи Буавен:

– Вы придете наконец? Сказано вам, что все готово!

Мы направились к грелке.

Если сад был в тени, то дом, наоборот, оказался на самом припеке; во втором парильном отделении турецкой бани не так жарко, как было в столовой моего товарища.

Три тарелки и лежавшие сбоку от них плохо вымытые оловянные вилки прилипали к желтому крашеному столу. Посреди стола красовалась глиняная миска с разогретым вареным мясом и картофелем. Принялись за еду.

Мое внимание привлек большой графин с водой, слегка подкрашенной вином. Буавен конфузливо сказал жене:

– Послушай, милочка, не дашь ли ты нам по случаю праздника немного цельного вина?

Она злобно уставилась на него:

– Чтобы вы оба нализались, застряли у меня на целый день и горланили песни? Так, что ли? Спасибо за такой праздник!

Буавен замолчал. После мяса она принесла другое блюдо: картофель, приправленный салом. Покончили, по-прежнему молча, и с этим блюдом.

– Ну, все – заявила она. – Теперь проваливайте. Буавен глядел на нее с изумлением.

– А голубь... ты ведь утром ошипывала голубя?

Она подбоченилась.

– Вы, что ж, может быть, не наелись? Если ты приводишь гостей, это еще не значит, что надо сожрать сразу все, что есть в доме. А я? Мне прикажешь остаться без обеда?

Мы встали из-за стола. Буавен шепнул мне на ухо:

– Подожди меня минутку, и мы улетучимся.

Он прошел на кухню, куда удалилась его жена. И я слышал, как он сказал:

– Дай мне двадцать су, дорогая!

– На что тебе двадцать су?

– Да ведь мало ли что может случиться. Всегда лучше быть при деньгах.

Тут она заорала так, чтобы я слышал:

– Нет, денег я тебе не дам! Раз этот человек позавтракал у тебя, то пусть он по крайней мере оплачивает сегодня твои расходы.

Дядя Буавен вернулся за мной. Желая быть вежливым, я поклонился хозяйке дома и пробормотал:

– Сударыня... так благодарен... любезный прием...

Она отвечала:

– Да уж ладно. Смотрите только, не приведите его ко мне пьяным, а то, знаете, вам придется иметь дело со мною.

Мы отправились.

Надо было пересечь по самому солнцепеку равнину, голую, как стол. Я вздумал сорвать какое-то растение на краю дороги и от боли испустил крик: мне страшно обожгло руку. Это траву называют крапивой. К тому же повсюду воняло навозом, до того воняло, что я чувствовал тошноту.

Буавен говорил мне:

– Чутьочку терпения: мы сейчас дойдем до берега реки.

Действительно, мы дошли до реки. Но там воняло тиной и грязной водой, и солнце отсвечивало от нее с такой силой, что было больно глазам.

Я спросил Буавена, где можно укрыться от солнца. Он провел меня в тесную хибарку, полную народа, – трактир матросов пресной воды.

– Здесь на вид неказисто, но очень уютно, – уверял он меня.

Мне хотелось есть. Я заказал яичницу. И вот, не угодно ли, – после второго стакана вина у этого слизняка Буавена голова пошла кругом; и я понял, почему жена подавала ему одну подкрашенную воду.

Он стал разглагольствовать, поднялся со стула, захотел

проделать какие-то акробатические упражнения, пустился мирить двух подравшихся пьяниц, и, не заступись за нас хозяин трактира, нас обоих избили бы.

Буавен был вдрызг пьян, я еле дотащил его до первого куста и уложил на траву. Сам я растянулся рядом и, кажется, заснул.

Очевидно, мы спали долго, так как, когда я проснулся, была ночь. Буавен храпел рядом со мной. Я встряхнул его. Он поднялся, но все еще был пьян, хотя и не так, как раньше.

И вот в полном мраке мы двинулись по равнине. Буавен уверял, что найдет дорогу. Он заставил меня свернуть налево, потом направо и снова налево. Не видно было ни зги, и вскоре мы заблудились в каком-то лесу из кольев, доходивших нам до носа. По-видимому, это был виноградник со шпалерами. На горизонте – ни одного газового рожка. Мы проплутали, пожалуй, час, а то и два, кружась на одном месте, сворачивая в сторону, вытянув руки, обезумев, не находя выхода, так как, должно быть, все время возвращались туда же.

Наконец Буавен наткнулся на кол, ободрал себе щеку и уселся на землю, во все горло завывая «Ля-и-ту», а я изо всех сил кричал «Помогите!» и зажигал восковые спички, чтобы осветить путь нашим спасителям, а себе придать бодрости.

Наконец запоздавший крестьянин услышал нас и вывел на дорогу.

Я проводил Буавена до дома. Но в ту минуту, когда я собрался покинуть его у решетки сада, дверь внезапно отворилась и перед нами предстала его жена со свечой в руке. Она нагнала на меня ужасный страх.

Увидев мужа, которого, вероятно, ждала с самых сумерек, она взревела и бросилась на меня:

– Ах, каналья! Я так и знала, что вы приведете его пьяным!

Признаюсь, я пустился наутек, бежал до самого вокзала и, боясь, что эта фурия гонится за мной, заперся в ватерклозете, потому что ближайший поезд уходил только через полчаса.

Вот почему я не женился и ни разу больше не выезжал из Парижа.

* * *

[1] По-французски имя Voivin (Буавен) звучит как boit vin

(пьет вино), а имя Voileau (Буало) – как boit l'eau (пьет воду).

[2] Именем Maculotte (переделанное из ma culotte – мои штаны) Буавен пародирует фамилию Mongilet (mon gilet – мой жилет).

Напечатано в «Жиль Блас» 24 февраля 1885 г. В этом рассказе Мопассан переработал тему третьего очерка «Воскресных прогулок парижского буржуа».

Овцы Панургова стада – намек на один эпизод из «Пантагрюэля» Рабле; в переносном смысле – люди, поддавшиеся стадному чувству.

Где Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994

Перевод Г.Рачинского Некаýаlar